

Возвращаться в давно покинутые места всегда волнительно-приятно, даже если это место преступления. Идешь будто по своим же следам, ступаешь в них осторожно, прикидываешь, выросла ступня или осталась прежней.

— Где тебя высадить? — бросает шофёр КамАЗа, проезжая табличку «МКАД».

— У метро, где-нибудь.

Через минут двадцать тормозит. Метро «Динамо». Прощаюсь. Вхожу в утро — июньское, свежее, пахнущее недавним дождем, но уже изрядно подпорченное разношерстным парфюмом и сигаретным дымом. Сам закуриваю и, заметив молодого парня с зачехленной гитарой, вспоминаю свое «переходное прошлое»...

Поначалу было весело. Какое-то даже подобие самовыражения. Песни, деньги, пиво, девушки. Позже к списку добавились бомжи и менты. Последние особенно напрягали своими шакальими повадками и специфическим чувством юмора. Но, впрочем, и с ними было терпимо. Года через два стало муторно. Да и как иначе? «Вальс-бостон» по сорок раз на дню без выходных. Знаю точно — Розенбаум мне порядком должен за популяризацию творчества, ну, или я ему за кусок хлеба. Еще через год вдохновение и воля к жизни поубавились. Стали интересны только деньги, а их, без вдохновения, куда меньше накапывало. Поначалу кое-как выручала система Станиславского, но после и она дала сбой. И тут появился он...

Звали его Крэк. Высокий, блондинистый, с хитрым лисьим прищуром мужик.

— Хороший ты парень, Саня! — говорил он мне тогда, перебирая длинными отманикюренными пальцами церковные четки, — чего дурью маешься, копейки собираешь! Иди ко мне в подмастерья. Сколько тебе уже, тридцатник, поди?

Думал недолго, дня два. Прикинул, а что, и впрямь, сколько можно щебенку копить? Обратился.

Клиентура сразу поняла, что к чему, место запомнила (а оно тем же и осталось, близ подземного перехода), ну и меня, конечно. В придачу, подогнал мне Крэк в подмастерья пару шнырей, а там, завертелось, понеслось...

Всякие захаживали: молодые, старые, богатые, бедные, средние. Уже через полгода где-то, на «работу» не приходил, а приезжал на Фольксвагене-пассате, пятилетнем, правда, но все же. По правде говоря, совесть мучила мало, потому как убогим существованием к тому времени я вдоволь наелся, а посему, было по барабану каким макаром деньги достаются. Хотя, иногда, признаюсь, пробивало на совесть.

Помню, приходила одно время ко мне девушка, сначала за травой, потом за герычем. Забавная такая была, бодрая. Волосы всеми цветами радуги окрашены, от татушек живого места на теле нет, пирсинг снаружи и внутри. Поболтать любила на трепетные темы: о смысле жизни, третьем глазе и прочей эзотерике. Волей-неволей как могла разбавляла мою барыжную жизнь природной непосредственностью и бойким темпераментом. Жаль только веселость ее не долго продлилась. Вскоре сдала подруга по всем статьям. А уж в самом конце, можно сказать, не приходила ко мне, а приползала. Я пару раз из жалости ей бесплатно вмазываться давал. Позже, пропала куда-то, умерла, должно быть. Думаю, из-за нее-то весь сыр-бор в душе моей и заварился. Оглянулся я тогда на жизнь свою

стрёмную, окинул ее взглядом скорбящим, да так, что тошно сделалось. Людей заблудших, вязким безволием пропитанных припомнил. Огорчился, загрустил, сник...

Крэк моментом перемену во мне почуял. Засуетился. Истолковал по-своему:

— Ты, парниша, не переживай, больно. Такое частенько с нашим братом случается. Не дрейфь, рассосется. Главное, себя не вини. Чувство вины, я тебе скажу, в любом бизнесе, однозначно губительно. Не ты, так кто-нибудь другой нарисует. Да и не ты же, в конце-то концов, их на иглу подсаживал. А по правде толкуя, спасал от смерти неминуемой. Такое, брат, самим Богом засчитывается. Многие, без твоего участия, давно бы к чертям собачьим сгнули. Сам покумекай! Запомни, человек сам выбирает по какой дорожке ему топтать, к Богу или к черту.

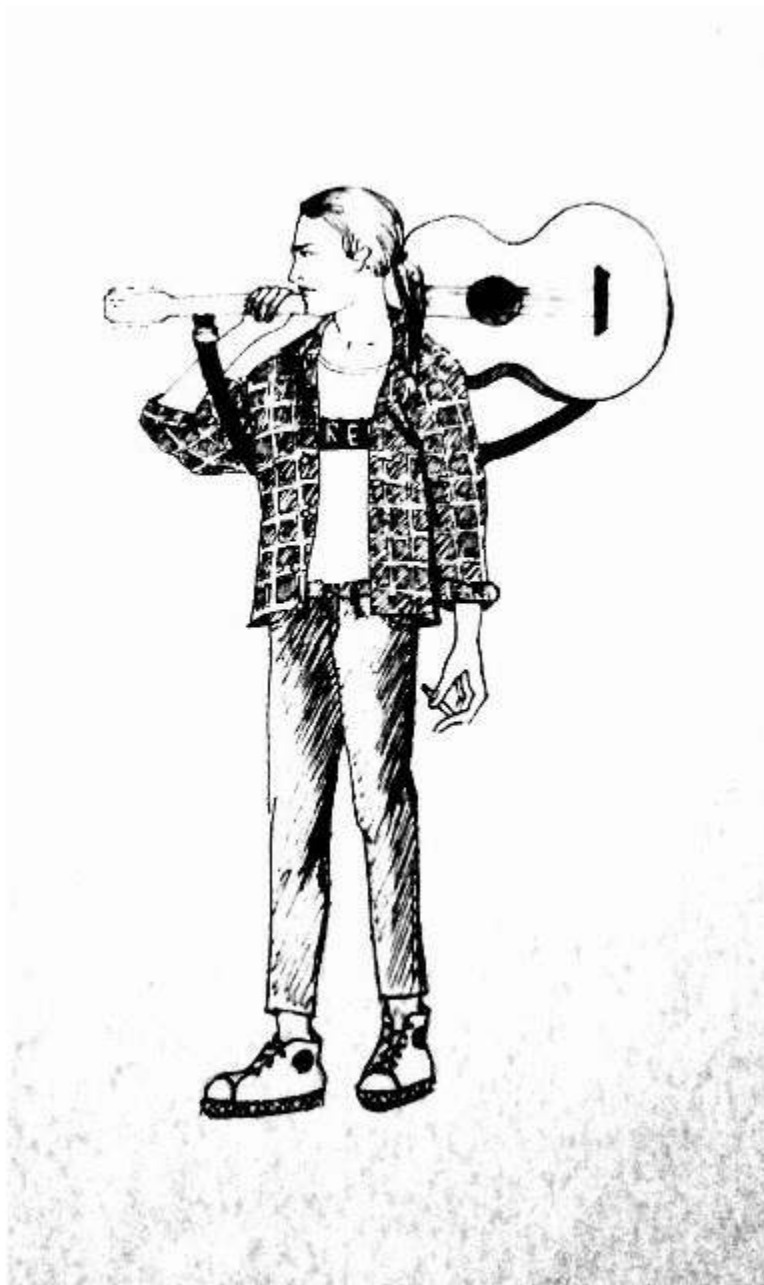
Слушал я его молча и еще больше ненавидел. Девчонку эту пропавшую вспоминал — поминал. Хорошая была она, все-таки. Живая, что ли. Взять бы ее тогда в охапку да с собой забрать, уехать, скажем, в Крым, где море и красные яблоки растут, ну или во Владивосток... Она, перед тем как исчезнуть, часто про море мне пела, которое, мол, излечит и спасет. Не успел, прозевал.

Возненавидел я тогда Крэка лютой ненавистью, решил мстить, чем бы это мне не отрыгнулось. А он в то время, хотя и почуял во мне перемену в ненужную сторону, с другой стороны, больше доверять стал. Психолог хренов. Товаром снабжал без ограничения, с людьми авторитетными знакомил, кто ж его теперь разберёт, может и впрямь доверял. Сеть моя к тому времени расширилась раза в четыре. Постепенно из мелкого барыги превратился я, если не в босса, то во что-то очень похожее. Несмотря на это кинуть решил однозначно, на много кинуть, да так, чтоб всю жизнь помнил, сука.

Товар дагишам сбаврил не напрягаясь. Еще, помню, стрелку забивал в том же переходе, где пел когда-то. Ну а дальше что? Бабки на руках, едь куда вздумается. Страна большая и много в ней полей, лесов и водоемов. Поехал. Исколесил пол-России. Приземлился на Урале, бизнес путёвый наладил, малахитовый. Успокоился.

Мочить за такой косяк Крэк вряд ли бы стал. Бабки, хотя и немалые, но не те за которые жизни лишают. Наказать же был обязан. Жить тяжело с такими мыслями долгое время. Решил поехать взглянуть, как там и что...

Москва — хороший город, когда на него с высоты птичьего полета смотришь, ну или если мечтаешь о нем, сидя где-нибудь в суходрищеве. Когда же вникнешь поглубже, начинает чуть подташнивать. Чтобы же не сплевать, невольно абстрагируешься. С людьми также...

рис. Светланы Евсеенко

Вошел в метро. Доехал до Арбатской. При выходе купил пломбир в вафельном стаканчике и две девятки «Балтики». Иду, солнцу раннему жмурюсь. Как в детстве, прям. Дохожу до перехода. Пусто. Даже левых продавцов фруктов и кондитерских изделий не видно. На другом конце, почти у выхода одинокий нищий с палочкой милостыню просит. Молодой, моего возраста человек. Открываю пиво. Пью... Ко второй бутылке язык бессовестно развязывается. Подхожу, заговариваю.

— Как подают?

— Не знаю, пока, — послушно, — первый день стою.

Вглядываюсь в лицо. В очках. Глаза голубые, непорочные. Странно как-то.

— А чего так?

— Полгода назад избили здесь же в переходе. Я тут иногда на гитаре играл. Пробили череп, да так что дырка в нем десять сантиметров в диаметре. Оклемався только сейчас...

— А чего играл-то?

— Цоя, Шевчука, русский рок, короче...

— Ясно. За что, сказали?

— Сказали, что перепутали. Извинились. Дали двести баксов на лекарства.

Но мне операция нужна. Протез титановый в череп вставить. Мозг открыт. Любое неосторожное движение, и все, смерть. Вот, стою, собираю.

— А кого искали-то?

— Не знаю, толком не пояснили. Ну, вроде как, кто-то их киданул на бабки или на товар... Может с наркотой, что...

— Пиво пьешь?

— Раньше пил. Теперь, если выпиваю, срубает с полбутылки. Так что, извини...

— Ясно. Удачи тебе.

Кинул ему в короб стольник и пошел. Вот ведь как бывает. Без жертв ни одно доброе дело не обходится. Отошел метров на двадцать, оглянулся. Ну да, есть что-то общее, если впотьмах и под кайфом смотреть. Видать, Крэк, сам в экзекуции участия не принимал. Так, ориентировку дал и вперед. Лентяй! Безвинного человека на всю жизнь позитива лишил.

Выхожу наружу. Редкие прохожие бегут по своим делам, подчеркивая неизлечимое равнодушие к друг другу. Город, несмотря на высокое солнце и суету кажется серым и пустым. Таким же кажусь себе и я...